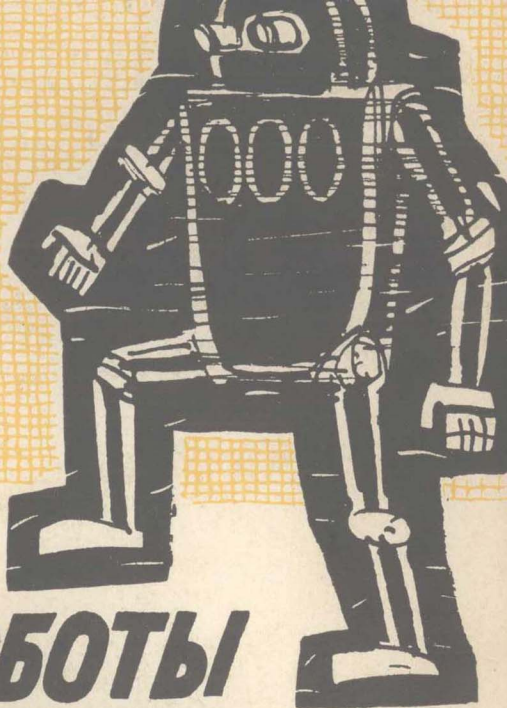

Е. ДРАБКИНА

**... ГДЕ
РОБОТЫ
ВЫТЕСНЯЮТ
ЛЮДЕЙ**

Драбкина Елизавета Яковлевна.

...ГДЕ РОБОТЫ ВЫТЕСНЯЮТ ЛЮДЕЙ. Заметки об интенсификации труда и внедрении автоматики в странах капитала. Изд. 2, доп. М., Госполитиздат, 1961.

144 с., с илл.

33М2

Редактор *С. Басина*

Художник *В. Алексеев*

Художественный редактор *С. Сергеев*

Технический редактор *Ю. Мухин*

Корректор *В. Флексер*

Сдано в набор 6 июня 1961 г. Подписано в печать 20 октября 1961 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 4¹/₂. Условн. печ. л. 7,38. Учетно-изд. л. 7,33. Тираж 32 тыс. экз. А-07674. Заказ № 230. Цена 17 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Мнусская пл., 7.

Ленинградский совет народного хозяйства, Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького, Ленинград, Гатчинская, 26.

СОДЕРЖАНИЕ

МАШИНА ПЛЮС ЧЕЛОВЕК	5
МАШИНА МИНУС ЧЕЛОВЕК	43
АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ	70
РАБОЧИЙ КЛАСС НЕ ДАСТ СЕБЯ «КОВЕНТРИРОВАТЬ»	91
БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ КОММУНИЗМУ	123

...ГДЕ РОБОТЫ ВЫТЕСНЯЮТ ЛЮДЕЙ

*Заметки об интенсификации труда
и внедрении автоматики
в странах капитала*

Издание второе,
дополненное

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1961

Е. Я. Драбкина, автор настоящей брошюры, — старый коммунист, участница гражданской войны. Она ведет научно-исследовательскую работу и является автором ряда литературных и публицистических работ.

Второе издание брошюры «...Где роботы вытесняют людей» дополнено новейшими данными по материалам зарубежной печати. Автор рассказывает о современных методах эксплуатации рабочих, о последствиях капиталистических методов автоматизации, неизбежном росте безработицы, расширении стачечной борьбы в странах капитала.

Брошюра написана образным, красочным языком, снабжена яркими примерами и иллюстрациями. Она рассчитана на широкие круги читателей.

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД — примерно в середине 1954 года — на страницах американских газет прозвучало слово, впечатление от которого один нью-йоркский журналист сравнил с впечатлением, произведенным взрывом первой атомной бомбы.

Это слово — *automation*, автоматизация!

Речь шла о самоуправляющихся машинах-автоматах, способных совершать весь цикл операций без прямого контроля со стороны человека.

Вспомнив фантастические человеко-машины, выдуманные чешским писателем Карелом Чапеком, этим машинам-автоматам дали прозвище *роботов*.

Новая техника тотчас превратилась в «сенсацию дня». Вслед за Соединенными Штатами о ней заговорили во всем капиталистическом мире. Она сделалась сюжетом хлестких статей и многотомных исследований, радиопередач и телевизионных постановок. «Ни одно событие в истории экономики не вызывало таких споров и разногласий, как эта комбинация электронных мозгов и механических мускулов», — писал «Нью-Йорк таймс мэгэзин». «ЧТО НЕСЕТ НАМ АВТОМАТИЗАЦИЯ?», — спрашивали заголовки газет. — «БУДЕТ ЛИ АВТОМАТИЗАЦИЯ БЛАЖЕНСТВОМ ИЛИ НЕСЧАСТЬЕМ?», «ОПАСНЫ ЛИ ЗАВОДЫ БЕЗ ЛЮДЕЙ?», «ЭРА РОБОТОВ!!! ИЗОБИЛИЕ????.. БЕЗРАБОТИЦА????.. НАДЕЖДА????.. ОТЧАЯНИЕ????..»

В ответах на эти вопросы сразу же обнаружились две взаимоисключающие точки зрения. Одна из них, которую защищали заправилы монополий и их «ученые» и профсоюзные прислужники, провозглашала, что автоматизация, подобно сказочному волшебнику, откроет перед капиталистическим производством безграничные возможности и осчастливит всех — от миллиардеров до подметальщиков улиц. Другая, которую отстаивали коммунистические партии и левые профсоюзы, основываясь на учении Маркса и двухвековом опыте истории, утверждала, что в условиях капитализма внедрение новой техники неизбежно принесет трудящимся массам бесчисленные страдания и обострит противоречия капиталистического строя.

Рабочий класс капиталистических стран был охвачен растущей изо дня в день тревогой. В профсоюзной печати, на заводских собраниях, на митингах забастовщиков и безработных, в дешевых кафе, куда рабочий заходит перекусить и провести с товарищами свободный часок, — везде все громче и напряженнее звучал один и тот же вопрос: «ЧТО ЖДЕТ НАС ВПЕРЕДИ? ЧТО БУДЕТ С НАМИ ЗАВТРА?».

* * *

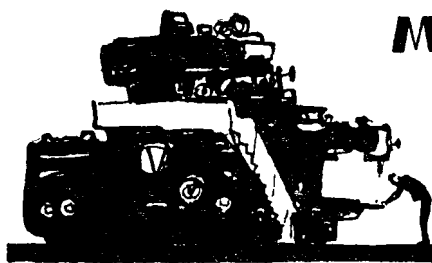
*

С того времени, как автоматизация капиталистического производства приняла широкие размеры, прошло около семи лет. Срок небольшой. Применение новой техники сделало пока лишь первые шаги.

Однако мы живем в эпоху, когда события политической и экономической жизни совершаются со стремительной быстротой. Тенденции, которые когда-то обнаруживались лишь по прошествии долгого времени, теперь принимают отчетливую форму в самый короткий исторический срок. Истекший период дает уже возможность аргументировать не только теоретическими рассуждениями и ссылками на уроки истории.

Обратимся же к фактам действительности. Перенесемся в чуждый и далекий нам капиталистический мир — туда, где, по словам американского рабочего поэта,

Железа лязг и стук станков
Доносятся из-за дверей,
Где люди стали придатком машин,
Где роботы вытесняют людей...

МАШИНА

ПЛЮС

ЧЕЛОВЕК

— Там, где родятся сталь и миллионы. — Что такое «стокунда»? — Быстрей! Спид-ап! — Тайна капиталистического способа производства. — Потогонная система, модель 1960 года. — Промышленные «лидеры». — «Раскрошенная работа». — Кнут и приманка. — Один башмак вместо двух. — Капиталистическая мясорубка. — Выкидывайся! Лэй-офф! — «Том, скажи, это случилось?» — На сцене появляются роботы.

НИЗКОЕ, УГРЮМОЕ НЕБО, затянутое облаками тумана и дыма. Холмы и равнины, покрытые побуревшей травой. У подножия холмов лежит город, опоясанный двумя реками. По холмам, прижавшись к земле, раскинулись заводы. Домны, трубы, каналы, железнодорожные пути. И железо, железо, железо.

Это Питтсбург, сердце американской металлургии, город, где родятся сталь и миллионы. Заводы и шахты со всех сторон сжимают его плотным кольцом. А дальше идут Брэддок, Хэмстед, Рэнкин, Клертон — поселки, выросшие вокруг заводов-гигантов. Повсюду огромные заводы, повсюду одни и те же названия фирм «большой шестерки», владык сталелитейной промышленности Соединенных Штатов Америки.

...Самолет перенес нас в другую часть света. Вновь над нами небо, закрытое густой пеленой дыма, — другое

небо, в другой стране, но столь же мрачное и непри-
ветливое. Здравствуй, «Черная Англия», страна, где
вместо зеленых деревьев к небу вздымаются фабричные
трубы!

Четыре часа утра. Первая смена шахтеров спешит на
работу. Перед зияющей дырой входной штольни уже вы-
строилась очередь. В чуть брезжущем утреннем свете
видны лишь темные фигуры людей с белыми пятнами
лиц. Сейчас они спускаются вниз, в шахту, о глубине ко-
торой в горькой шутке английских шахтеров говорится,
что она равна «шестнадцати милям, ста саженьям, трем
четверикам, пяти галлонам и чертовой бабушке в при-
дачу!»

...И снова домны, шахты, заводы. Снова небо, пере-
черченное столбами дыма и озаряемое отблесками
плавильных печей. Вот он, север Франции, — гигантская
кузница, в горнах которой никогда не затухает огонь.

Автомобиль проносится через тянущиеся непрерыв-
ной цепью города с узкими улицами и покрытыми са-
жей домами — Мобеж, Жемон, Ольнау, Омон, Феррьер
ля Гранд... По обеим сторонам дороги чернеют домны и
горы застывшего шлака, которые порой скрывают гори-
зонт. Ночью, когда выпускают плавку, все вокруг полы-
хает фосфорическими огнями, как если бы по земле раз-
лился поток раскаленной лавы.

Заводы «Юзинор», «Форж», «Лоррэн-Эско», «Дел-
латр и Фруар». Снова «Юзинор», снова «Форж», снова
«Лоррэн-Эско». Повторяются без конца одни и те же
названия заводов, одни и те же имена их владельцев —
де Вандель, Петье, Шнейдер, барон де Рати. Вся страна
угля и металла принадлежит одной небольшой горстке
богачей.

...Автомобиль поворачивает на восток. Бежит непре-
рывная лента автострады. Через несколько часов холм,
спуск, мост, переброшенный через небольшую реку. У нее
зеленые берега, медленное течение, мутноватая вода и
знаменитое имя: Рур!

Автомобиль несется все дальше. Внезапно пейзаж ме-
няется. Снова повсюду, насколько видит глаз, высятся
домны, снова темнеют шахтные копры, снова подни-
маются голые кирпичные стены бесконечных заводов.

Трубы, дым. Тяжелый воздух, отравленный уголь-
ной пылью и копотью. Сверху, сбоку, снизу тянутся,

опускаясь и поднимаясь, толстые стальные трубы с железными лестницами и площадками. Свистят паровозы на бесчисленных подъездных путях. Грохот, шум.

Черные стрелки указателей ведут к Эссену, к Дюсельдорфу. Города непосредственно переходят один в другой. Пушечные и пороховые заводы. Заводы стальной брони и снарядов. Сталепрокатные заводы. Кругом царство железа и угля, тяжелой и военной промышленности.

И так же, как по ту сторону Рейна, здесь повторяются имена королей стали и отравляющих газов, пушек и снарядов — на этот раз имена Круппа, Абса, Стигна, Тиссена, Динкельбаха, Хейнкеля, Манессмана, имена маленькой кучки хозяев Рура.

Так повсюду в капиталистическом мире раскрывается одна и та же картина: повсюду производство сосредоточено на огромных заводах. Промышленные предприятия, дома, земельные участки, леса, реки и даже кладбища принадлежат монополиям-гигантам. Имена их владык или заглавные буквы названий фирм высечены на всех зданиях, написаны на заводских трубах, на бортах проносящихся мимо грузовиков, на значках, которые рабочие, идя на работу, прикалывают к отвороту спецовки.

— Что это такое? — спрашиваете вы, попав в один из таких поселков и оказавшись посреди длинных рядов однообразных кирпичных корпусов.

— Заводы «ЭСМО».

— А те дома?

— Поселок рабочих «ЭСМО».

— А те огромные железобетонные колпаки?

— Склады «ЭСМО».

— А статуя человека с квадратным лицом и нависшими бровями, из-под которых сверкает холодный взгляд хищника?

— Памятник основателю «ЭСМО».

«ЭСМО», «ЭСМО», повсюду «ЭСМО»!

Но что же увидим мы, если нам удастся проникнуть за заводские ворота, над которыми, как и сто лет назад, во времена Маркса, начертано: «No admittance except on business»¹?

¹ «Вход только по делу» (англ.).

В минуте уже не шестьдесят секунд. Она делится на сто частей, на сто «стокунд».

Это новое измерение времени введено владельцами ряда предприятий капиталистического мира потому, что при счете на секунды рабочий, по их мнению, работает *слишком медленно!* Они требуют от него быстроты, измеряемой уже не секундами, а «стокундами».

Впрочем, некоторым предпринимателям и эта единица измерения времени кажется слишком крупной и они ввели другую — «ДТЧ» — одна десятитысячная часть часа.

— Быстрей, быстрей, быстрей!

Посреди освещенного пронзительным светом цеха сквозь жар и шум мчится непрерывная лента конвейера. Вдоль нее плечом к плечу стоят цепи людей, которые безостановочно совершают одно и то же движение, еле успевая за неумолимым бегом ленты.

Автомобильный завод «Додж» компании «Крайслер» (США). «В литейной нашего завода работает много негров, — пишет рабочий корреспондент газеты «Уоркер». — Ее прозвали адом: дым, пыль, жара, гонка не поддаются описанию!.. Возьмем, к примеру, гонку. Раньше тысяча рабочих изготовляла за десять часов 600 блоков. Теперь вместо тысячи человек работает всего триста и за те же десять часов они изготовляют 1300 блоков. Причем в этом числе учтены только блоки, которые приняты контролем, ибо из-за бешеной гонки много блоков попадает в брак»¹.

Завод мясных консервов Жео (Франция). По конвейеру непрерывно подают свиные туши, через каждые шесть секунд новую свинью. «Даже ночью, во сне, я непрерывно вижу мертвых свиней, — пишет рабочий этого завода. — Я их тащу и толкаю, и делаю это всю ночь, каждые шесть секунд»².

Рудник в Лотарингии (Франция). «Парень, который работает на навалочной машине, словно загипнотизирован: он не видит ничего, что происходит рядом с ним, — рассказывает шахтер. — Он беспрерывно поворачивает голову слева направо, справа налево и, орудуя девятью рычагами в одно и то же время, продвигает свою

¹ «The Worker», 14. II. 1960.

² «Humanité-Dimanche», 13. II. 1955.

машину то вперед, то назад, чтобы захватить побольше подорванной породы... И единственное, что ждет его впереди, — это день, когда у него не станет уже сил, чтобы справляться со всеми этими рычагами, и он вынужден будет перейти на хуже оплачиваемую работу на поверхности»¹.

Автомобильный завод «Студебеккер-Пакард» (США). «Несколько лет тому назад, — пишет рабочий корреспондент, — на нашем заводе тысяча рабочих выпускала по 55—60 машин в час. Сейчас на этих же сборочных линиях работают пятьсот — шестьсот рабочих и они обязаны выпускать по 80—85 машин в час»².

Швейная фабрика (Западная Германия). Дирекция установила швейную машину, делающую 6000 стежков в минуту. Из восьмидесяти работниц, опробовавших эту машину, выдержать такой темп смогла только одна. Судьба ее ясна: силы ее быстро иссякнут, и она превратится в инвалида.

Интенсификация труда в ФРГ достигла такого предела, что, как отмечал секретарь Коммунистической партии Германии Макс Рейман, нередко «предприниматели заставляют рабочих принимать первитин и другие возбуждающие лекарства такого же рода, чтобы рабочие могли выносить физическое перенапряжение. При помощи таких методов рабочий день иногда доводится до 15 и 16 часов»³.

Каждая фирма вносит в эту систему что-то «свое». Так, заводы компании «Крайслер» наводнены «аналитиками», которые изучают движения рабочего: как он держит корпус, как ставит ноги, — фотографируют, чертят диаграммы, устанавливают режим работы. Этим господам с заводов компании «Крайслер» принадлежит сомнительная честь изобретения «желтой черты», которой обводится рабочее место каждого рабочего, и он обязан выполнить все операции над проносящейся мимо него на конвейере деталью, не переступив границы черты.

«Дженерал моторс» непрерывно повышает число мастеров-погонял, надзирающих за рабочими. В настоящее время на заводах компании такой погоняла прихо-

¹ «Economie et Politique», V. 1959.

² «The Worker», 3. IV. 1960.

³ «Cahiers du Communisme», III. 1957, p. 32.

дится на каждых трех-четырех рабочих. Во время стачек и локаутов эти погонялы выступают в качестве штрейкбрехеров.

Что до компании «Форд», то она делает упор на расчеты времени, затрачиваемого на отдельную операцию, а также на «выжимание» из производства «лишних» рабочих. Это старая традиция компании. Недаром среди фордовских рабочих бытует анекдот, что, когда Генри Форд первый умер и шестеро его верных прихвостней несли на руках гроб, в котором покоилось тело их хозяина, они вдруг с ужасом увидели, что крышка гроба приподнялась, покойник сел, обвел злым взором носильщиков и заорал: «Поставьте гроб на колеса, выгоните в шею пятерых бездельников и оставьте на этой операции одного человека: он доставит гроб на кладбище быстрее и дешевле, чем шестеро...»

С каждым годом ускоряются темпы работ. Рабочий день уплотняется до предела. Все «поры» уничтожаются.

— Быстрей, быстрей, быстрей!..

На станке перед рабочим установлен метроном с зеленой лампочкой, который одновременно отбивает ритм светом и звуком: зеленая лампочка то зажигается, то гаснет, маятник трещит, как пулемет. Но едва рабочий привыкнет к этой скорости, метроном убыстряют — и так до «потолка», который рабочий не может перешагнуть.

— Быстрей, быстрей, быстрей!

На движение глаз тебе отпущено 0,36 секунды, на поворот туловища — 0,72 секунды. Если для того, чтобы выполнить операцию, ты должен сделать несколько шагов, помни, что на каждый шаг тебе положено 0,612 секунды и, ежели ты затратишь на него 0,613 секунды, ты отстанешь от не прекращающегося ни на миг движения конвейера.

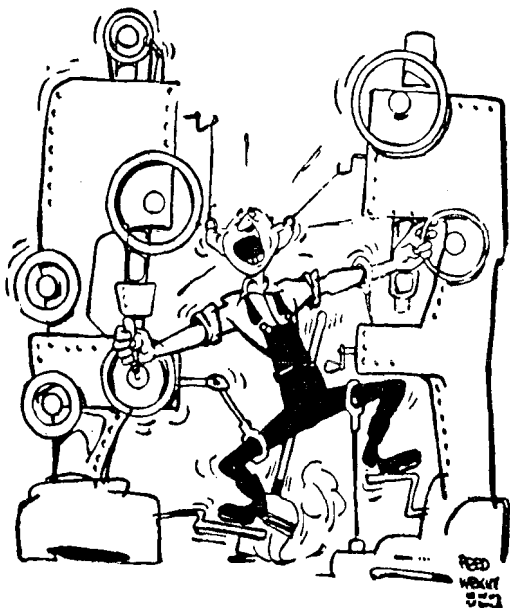
Работа идет непрерывным потоком... Деталь приближается. Она напротив тебя... Спеши!.. Она уже уходит... Если ты «заклинился» и пропустил ее, ты получишь первое предупреждение... Подходит следующая... Торопись!.. Если ты ослабел и двигаешься недостаточно быстро, тебя ждет второе предупреждение... Детали мчатся одна за другой... Быстрей... Ты уже не успеваешь за бегом машины... Получай третье предупреждение. Но знай, что

это уже конец. Ты больше не нужен. Выкидывайся за ворота!

— Быстрее! Speed-up! («Спид-ап!»).

Эта команда, провозглашенная владыками американской промышленности, облетела весь капиталистический мир.

Как свистящий удар бича, непрерывно подхлестывает она рабочего. Чтобы выполнить ее, он должен работать

«Спид-ап!»

Из газеты „Уоркер“ (США)

с неослабевающим напряжением, посильным только для молодых и здоровых. И наем рабочего на капиталистическое предприятие превращен в нечто, напоминающее отбор скота для убоя.

В особой комнате, оборудованной специальными приборами, заседает комиссия по так называемому «человеческому отбору». Перед ней вереницей проходят нанимающиеся на завод рабочие. У каждого карточка, на которую заносятся результаты осмотра.

— У тебя хорошие бицепсы — 20 пунктов. Твои глаза хорошо видят — 15 пунктов. Легкие достаточно развиты — 12 пунктов. Ловкость средняя — 3 пункта. Сильный кулак — 8 пунктов.

Случается, что комиссия изобличает нанимающегося в «подделке»: продавая себя, он попытался «смошенничать» — подкрасил виски, подрумянил щеки, впустил в глаза несколько капель атропина, чтобы они блестели и он выглядел бы моложе и бодрее.

Все «пункты», набранные рабочим, суммируются, и по итогу он относится к одному из «классов».

Неважно, кто ты — слесарь, токарь или же фрезеровщик. Важно только одно: сколько у тебя «пунктов», к какому «классу» тебя отнесли. Твой «класс» соответствует «классу» одной из машин, к которой тебя и ставят. Таким путем предприниматель получает для каждой работы рабочего, способного выжать максимальные темпы.

Встав на указанное тебе место, ты перестаешь уже быть квалифицированным рабочим, а становишься тем, что получило название *«специализированный рабочий»*.

Такой специализированный рабочий на бойнях в Чикаго отделяет левую заднюю ногу свиньи. *Только левую, только заднюю, только свиньи.*

Обучение специализированного рабочего завершается за два-три дня. Говоря точнее, его не учат, а дрессируют. Когда он овладевает несколькими требуемыми от него движениями, его «профессиональное образование» заканчивается. И сколько бы ему ни было лет — шестнадцать или тридцать шесть, — он обречен делать только эти несколько движений, до тех пор пока будет в силах работать или же пока предприниматель не сочтет, что пора уже выкинуть его на мостовую.

Человек перестает быть самим собою. Он превращается в то, что технологический жаргон называет «тапо-машине» («человеко-машина»). Отныне все его помыслы, все его усилия направлены только на то, чтобы не отстать от несущегося рядом с ним стального чудовища. И даже тогда, когда конвейер останавливается, он продолжает делать судорожные движения.

— Быстрее, быстрее! Спид-ап!

На заводе телефонной аппаратуры компании «СИТ» (Франция) работницы на прессах прикованы к рычагу,

наручниками, чтобы, как говорят хозяева, они «чувствовали ритм»¹.

На заводах «Рено» (Франция) в 1959 году некоторых рабочих усадили на тележки с колесиками, ибо в пределах человеческих сил невозможно успевать за все ускользящим бегом конвейера².

На консервных заводах фирмы «Карно» (Франция) вдоль цеха расставлены станки, соединенные конвейерами: это называется «поездом». У одного конца «поезда» стоит работница и вкладывает в отверстие прямоугольные пластинки жести — 350 штук в минуту. На другом его конце из противоположного отверстия выскакивают готовые консервные коробки.

В течение девяти часов работница непрерывно опускает в отверстие жестяные пластинки — шесть штук в секунду, 21 тысячу в час, от четырех до пяти тонн жести за день.

Работа совершается в грохоте, превосходящем по частоте и силе звука треск пулемета. А за спиной работницы расхаживает надсмотрщик с хронометром в руках, и работница стремится убыстрить движения. Но наступает день, когда она, обессилев, падает возле «поезда». В бреду, полупарализованную, ее уносят домой.

На освободившееся место тотчас ставят другую, и все начинается сначала. Замена не представляет никаких затруднений, ибо специализированный рабочий, как говорит теоретик одной из потогонных систем Шеллер, «превращен в анонимную, взаимозаменяемую шестеренку гигантского производственного механизма...»³

Для чего же нужна эта чудовищная гонка? Кто ею повелевает? Кто пожинает ее плоды?

Шутливая сценка, напечатанная на страницах американской рабочей газеты «Уоркер», дает точный ответ на эти вопросы⁴.

¹ См. «Всемирное профсоюзное движение» № 12, 1955 г., стр. 15—16.

² «La Vie Ouvrière», 14. X. 1959.

³ «Industrie et Organisation», II. 1956, p. 25.

⁴ «The Worker», 22. VI. 1958.

Действие происходит на заводе. Присутствуют хозяин, рабочий и корреспондент газеты. Хозяин что-то приказывает рабочему.

— Простите, что вы сказали этому человеку? — спрашивает корреспондент.

— Я велел ему работать быстрее.

— Но что дало вам право требовать от него, чтобы он работал быстрее?

— Я ему за это плачу.

— Сколько?

— Четыре доллара в день.

— Откуда берете вы эти деньги?

— Продаю товары.

— А кто изготавливает эти товары?

— Да вот он, этот парень.

— Сколько стоят товары, изготовленные им за день?

— Около десяти долларов.

— Но тогда получается, что это он платит вам шесть долларов в день за то, чтобы он работал на машине, а вы вертелись около него и приказывали ему работать быстрее.

— Да, но машины принадлежат ведь мне!

— А где вы взяли деньги, чтобы купить эти машины?

— Продал товары и купил машины.

— А кто изготовил эти товары?

— Хватит! Замолчите! А то еще он услышит!..

Около ста лет назад великий учитель трудящихся Карл Маркс раскрыл тайну капиталистического способа производства.

Он доказал, что, когда пролетарий продает свою рабочую силу капиталисту, часть его труда остается неоплаченной. Этот неоплаченный труд Маркс назвал *прибавочной стоимостью*. Прибавочная стоимость является добычей капиталиста. Капитал каждую минуту, каждую секунду, каждую «стокунду» присваивает неоплаченный труд рабочего.

Учение о прибавочной стоимости является, по определению В. И. Ленина, краеугольным камнем экономического учения Маркса. Создав это учение, Маркс, —